

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 62–74.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 62–74.

Научная статья
УДК 94(470+571)
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.007

ПОСТСОВЕТСКИЕ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАК НАПРАВЛЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Чайко Игорь Владимирович

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия
ivchaiko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-596X>

Аннотация. Основная цель работы – обоснование постсоветских неопатримониальных исследований как особого направления в политической компаративистике, которое стало активно формироваться в первых десятилетиях XXI в. С помощью метода исторической ретроспективы исследованы основные этапы становления данного направления в зарубежной и российской политической науке, его современное состояние и перспективы дальнейшего развития. Главная гипотеза выражена через тезис о том, что в настоящее время неопатримониальный подход выступает в качестве реальной альтернативы западной «транзитологии», являясь эффективным средством исследования политических систем посткоммунистических государств. Для обоснования этой гипотезы был осуществлен критический анализ обширного круга научной литературы, раскрывающей содержание неопатримониального подхода и разработанных на его основе оригинальных концепций, призванных описать механизмы политических трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве. В результате выявлены существенные различия во взглядах исследователей на природу неопатримониализма, его специфические проявления, эффективность неопатримониальных практик управления. Рассмотрены различные классификации неопатримониальных систем, предлагаемые отдельными учеными. Все это актуализирует неопатримониалистский дискурс и способствует обогащению научных знаний в данной сфере. В то же время было обращено внимание на необходимость институционализации данного научного направления в России и создания научно-исследовательской инфраструктуры, необходимой для анализа и прогнозирования сложных политических трансформаций, происходящих на евразийском пространстве. В заключение сформулированы основные задачи постсоветских неопатримониальных исследований, призванных способствовать разработке эффективных стратегий общественного развития, столь необходимых сегодня многим посткоммунистическим государствам.

Ключевые слова: Макс Вебер, легитимность, политический режим, неопатримониализм, бюрократия, развитие, постсоветские общества, сравнительные исследования, стратегия общественного развития, государство

Для цитирования: Чайко И. В. Постсоветские неопатримониальные исследования как направление в сравнительной политологии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 62–74. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.007>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

POST-SOVIET NEOPATRIMONIAL STUDIES
AS A FIELD IN COMPARATIVE POLITICAL SCIENCE

Igor V. Chaiko

Russian State Social University, Moscow, Russia
ivchaiko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-596X>

Abstract. The main purpose of the work is to substantiate post-Soviet neopatrimonial research as a special field in political comparative studies, which began to be actively formed in the first decades

of the 21st century. Using the method of historical retrospect, the author examines the main stages of the formation of this field in foreign and Russian political science, characterizes its current state and prospects for further development. The author hypothesizes that the neopatrimonial approach has now become a real alternative to Western «transitology», being an effective means of research and comparative analysis of the political systems of post-communist states. To prove this hypothesis, the author conducted a critical analysis of the scientific literature characterizing the content of the neo-patrimonial approach and the concepts of political development of post-Soviet states developed on its basis. There are great differences in the views of researchers on the nature of neopatrimonialism, the effectiveness of neopatrimonial practices, and the criteria for classifying neopatrimonial systems. All this actualizes the discussion about neopatrimonialism and contributes to the enrichment of scientific knowledge in this field. At the same time, the author draws attention to the need to institutionalize this scientific field in Russia and create the research infrastructure necessary for conducting neopatrimonial research. In conclusion, the main objectives of post-Soviet neo-patrimonial research are formulated, which should contribute to the development of effective political development strategies needed by many post-communist states today.

Keywords: Max Weber, legitimacy, political regime, neopatrimonialism, bureaucracy, development, post-soviet states, comparative studies, social development strategy, state

For citation: Chaiko I. V. Post-Soviet Neopatrimonial Studies as a Field in Comparative Political Science. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 62–74. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.007> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В последней четверти XX в. одной из главных проблем сравнительной политологии стало описание институциональной и иной специфики поставторитарных политических режимов, возникших в результате третьей «волны» демократизации [40]. Однако попытки различных авторов объяснить разнообразие этих режимов в рамках унаследованной от биполярной эпохи оппозиции «демократия – авторитаризм» успехом не увенчались [28]. Выяснилось, что для характеристики таких форм политической организации нужны специальные критерии, позволяющие не просто «дополнить» типологическую схему Р. Даля [29, с. 7], как это сделали Х. Линц и А. Степан [47], а качественно преобразовать ее и адаптировать к современным реалиям. Различные варианты решения этой задачи предлагают сегодня многие ученые. При этом они обращают внимание на особую роль неформальных практик управления [54], что существенно отличает многие «гибридные» режимы от рационально-правовых систем современных либеральных демократий. В таком контексте, вполне обоснованным представляется обращение исследователей к концепции патримониализма М. Вебера [58, с. 226–240, 1006–1069] и разработанной, на ее основе, в 60–80-х гг. XX в. теории неопатримониализма, основные положения которой изложили в своих работах Г. Рот, Ш. Эйзенштадт, Р. Лемаршан и К. Легг, Ж.-Ф. Медар, Р. Теобальд, М. Браттон и Н. ван де Валле и ряд других исследователей [20]. Главными чертами неопатримониальных систем в этих работах называются: персонифицированный характер управления; приоритет неформальных правил по отношению к формальным; политический контроль правящей элиты над важнейшими секторами экономики; отсутствие строгих правовых гарантий собственности [9].

С другой стороны, исследователями отмечено, что неопатримониализм – это не архаичный, а вполне современный и широко распространенный тип политической организации. Его главными отличиями от «традиционного» патримониализма являются: 1) функционирование системы формальных политических институтов; 2) наличие рационально организованной системы государственной службы; 3) латентный характер неформальных практик; 4) сохранение формальных границ между политической и хозяйственной сферами [54, с. 136–138]. В определенных условиях неопатримониальные системы могут быть достаточно эффективными, поскольку их функционирование предполагает: а) стимулирование экономического роста для получения прибыли; б) определенные способы извлечения этой прибыли, в) «рациональное политическое перераспределение прибыли с целью обеспечения политической поддержки» [50, с. 94].

В силу этих характеристик исследователи, как правило, не склонны отождествлять неопатримониализм с понятием «политический режим», трактуя его как особую форму политико-экономической организации. Эту позицию достаточно полно представил Н. Робинсон, согласно

которому, «категория неопатримониализма охватывает как политический режим, так и механизм политико-экономического управления государством и не сводится лишь к одной из этих составляющих» [53, с. 7].

Генезис неопатримониальных систем описывает веберовская концепция «рутинизации» харизмы [58, с. 246–249]. «Истинная» харизма, по мнению немецкого ученого, всегда недолговечна и чужда рациональному хозяйствованию. Однако интересы сохранения власти требуют создания бюрократического аппарата, легитимность которого закрепляют как рациональные, так и традиционные нормы. В этих условиях власть харизматического лидера изменяет свою природу: она одновременно традиционализируется и рационализируется [36, с. 5]. Легитимность возникающих при этом политических систем имеет смешанный характер и предполагает сочетание различных компонентов – традиционного, харизматического, рационально-легального, различное сочетание которых и определяет в конечном счете широкое разнообразие существующих в мире форм неопатримониализма.

Опыт политического развития постсоветских государств во многом подтверждает обоснованность этих научных представлений. Этим обусловлена актуальность данного исследования, главная проблема которого заключается в необходимости институционализации постсоветских неопатримониальных исследований как одного из направлений в современной политической компаративистике. Чтобы раскрыть содержание данной проблемы и наметить возможные пути ее решения, мы сформулировали следующие задачи:

1) проанализировать основные установки неопатримониального подхода и разработанных, в его рамках, концепций постсоветских трансформаций, представленных в работах российских и зарубежных авторов;

2) описать основные этапы, проблемы и перспективы развития неопатримониальных исследований в России.

Теоретико-методологической основой работы выступает парадигма неопатримониализма как метод междисциплинарных исследований, акцентирующий внимание на механизмах воспроизводства неформальных практик управления и способах легитимации власти. В рамках данного подхода мы использовали методы политико-компаративного, сравнительно-исторического анализа, метод ретроспективы, качественный анализ библиографических и других источников. Научная новизна и практическая значимость исследования заключаются в выводах о становлении в современной России нового перспективного научного направления – постсоветских неопатримониальных исследований, а также в формулировке ряда предложений, способствующих его институционализации и официальному признанию.

Становление неопатримониальных исследований постсоветских обществ

Первоначально неопатримониальный подход был призван объяснить проблемы, с которыми столкнулись многие развивающиеся страны в процессе их модернизации [56]. В дальнейшем его положения стали использоваться также при анализе политико-экономических систем коммунистических и посткоммунистических государств. Так, например, Р. Линден в середине 1980-х гг. использовал данную концепцию применительно к режиму Н. Чаушеску в Румынии, чтобы объяснить долговечность созданной им политической системы. При этом он подчеркивал клиентарный характер режима, сочетавшего личную власть вождя с эффективной системой личной лояльности [46]. В 1992 г. вышел труд К. Джоуитта, в котором автор предпринял попытку создать динамическую модель режимных трансформаций в духе эволюционной теории М. Вебера [44]. Типичную неопатримониальную модель описал в 1997 г. Ю. Гартман. В своей работе он, в частности, отмечал, что при такой организации власти «персона, возглавляющая государство, оценивает государственные функции, возможности и ресурсы, исходя из личной выгоды, а также их использования родственниками и близкими друзьями» [37, с. 218].

Оригинальную типологию коммунистических режимов разработал в 1999 г. Г. Китчелл, выделив в качестве одного из самостоятельных типов «патримониальный коммунизм». Главными характеристиками данного режима, согласно автору, являются не личная диктатура вождя, а непотизм, патронаж, коррупция, что позволяет определить его как способ правления, основанный «на личной лояльности и взаимобмене» [45, с. 21].

В 2002 г. Й. Горлицки попытался объяснить двойственную ситуацию в СССР, связанную с сосуществованием в Советском государстве как патримониальных, так и современных элементов управления [33, с. 720–721].

О роли патримониализма как онтологического основания «русской власти» писали и другие зарубежные исследователи [39]. При этом одни авторы, такие как Р. Пайпс [52] и В. Мервар [51], считают, что советский коммунистический режим являлся патримониальным с момента возникновения и вплоть до своего крушения в 1991 г. Другие ученые, такие как Г. Джилл [32] и Й. Горлицки [33], используют определение «патримониализм» только по отношению к сталинской эпохе. Специфику периода «развитого социализма» довольно точно выражает точка

зрения П. Бергера, согласно которому «Индустриальный социализм характеризуется постоянным взаимодействием двух различных форм стратификации – классовой системы и системы политического патримониализма» [26, с. 185].

Широкое использование неопатримониального подхода для описания постсоветских политических реалий началось в 2000-х гг., когда крах парадигмы «транзита» стал вполне очевидным [28]. В это время в зарубежных изданиях появился целый ряд публикаций, авторы которых обратили внимание на неопатримониальный характер многих посткоммунистических режимов. В работах таких исследователей, как А. Фисун [20], А. Ильхамов [41], Г. ван Зон [60], Р. Окумбеков [14], С. Н. Шкель [24], рассмотрены оригинальные концепции функционирования постсоветских неопатримониальных систем. Так, например, А. Ильхамов описал неопатримониальный режим Ислама Каримова в Узбекистане (1991–2016 гг.) как яркий пример «институциональной отсталости». Неформальной основой функционирования этого режима, по мнению автора, стала система личного доминирования, способствовавшая преобразованию традиционных клановых союзов в патронажные сети, через которые осуществлялось перераспределение государственных ресурсов [41].

В 2001 г. была опубликована статья Г. ван Зона, в которой автор описывает период президентства Леонида Кучмы на Украине (1994–2005 гг.) как типичный пример неопатримониального правления, характерными чертами которого стали: распад административного аппарата; «захват» государства правящими кланами; широкое распространение коррупции в бюрократической среде [60].

Особое значение для осмысления специфики украинской неопатримониальной системы имели работы харьковского исследователя А. А. Фисуна [19]. Главными характеристиками этой системы он называет:

- 1) наличие особого класса рентоориентированных политических предпринимателей;
- 2) использование государственно-административных ресурсов для подавления политических и экономических конкурентов;
- 3) наличие патронально-клиентарных связей, посредством которых осуществляется доступ к ключевым управленческим позициям и источникам получения ренты [20, с. 167].

Результатом эволюции этой системы, по мнению А. Фисуна, явилось становление режима «неопатримониальной демократии» как «многополюсной» модели организации власти, сложившейся на Украине в результате парламентских выборов 2006–2009 гг. и президентских выборов 2010 г. [20, с. 186]. Однако этот период быстро закончился вследствие антиконституционного переворота зимой 2014 г. и утверждения режимов личной власти П. А. Порошенко (2014–2019 гг.) и В. А. Зеленского (с мая 2019 г.) вплоть до официальной отмены последним очередных президентских выборов летом 2024 г.

В другом направлении эволюционирует неопатримониальная система Казахстана, которую описывают в своих работах Е. В. Махмутова и Р. С. Окумбеков [11]. В 2019 г. новый президент страны К. К. Токаев приступил к серьезным преобразованиям, ответом на которые стала попытка государственного переворота в январе 2022 г. Эти события ускорили темпы политических реформ. 27 января 2022 г. парламент страны одобрил конституционные поправки, отменившие пожизненный статус первого президента Казахстана Н. Назарбаева; его родственники и другие члены прежней «команды» покинули свои посты во властных и бизнес-структурах [14, с. 586]. Вместе с тем, как отмечают исследователи, поспешная децентрализация системы политического управления в Казахстане порождает множество негативных моментов, включая попытки узурпации власти местными кланами, коррупцию на местах, различные проявления регионализма и местного сепаратизма [11, с. 40].

В таком контексте значительный интерес представляет сравнительное исследование восьми постсоветских государств Средней Азии и Закавказья, которое осуществил в начале 2010-х гг. российский ученый С. Н. Шкель [24]. Согласно его выводам, политические системы этих стран представляют собой различные виды неопатримониализма – от «султанистского» правления Сапармурата Ниязова в Туркменистане (1999–2006 гг.) до «неопатримониальной олиархии», каковыми, по мнению этого автора, являлись в отдельные периоды Армения (1991–2013 гг.), Кыргызстан (1991–2007 и 2010–2013 гг.), Таджикистан (1994–1999 гг.), Грузия (1992–2004 и 2008–2013 гг.). Однако наиболее типичными формами организации власти в этих странах (за исключением Армении) стал «неопатримониальный авторитаризм», ярким примером которого являлся Казахстан в период правления Н. Назарбаева [24, с. 346].

Особенности российского неопатримониализма описывают в своих работах Г. ван Зон [8], Н. Робинсон [53], Г. Хейл [34], С. Хэнсон и Дж. Коппштейн [36], Б. Мадьяр и Б. Мадлович [48]. Главной его особенностью, по мнению Г. ван Зона, является традиционный для России «культ власти», с которым связаны такие черты «русской системы», как правовой нигилизм, «культура зависимости» и наличие «суверенной бюрократии», привилегированный статус которой легко

конвертируется в богатство [8, с. 152]. Схожую точку зрения разделяет Н. Робинсон, согласно которому становлению российского неопатримониализма во многом способствовал «культурный поворот» 2010-х гг., связанный с ростом «консервативного традиционализма» и утверждением цивилизационной специфики России по сравнению со странами Запада. Данная тенденция, согласно Н. Робинсону, отчетливо проявляется в политической риторике В. В. Путина как национального лидера, декларирующего своей главной целью защиту России как уникального «государства-цивилизации», сбережение ее культурного кода и лежащей в его основе системы традиционных ценностей [53, с. 28–35]. Еще более четко сформулировали эту позицию С. Хэнсон и Дж. Копштейн, согласно которым главным результатом политических трансформаций в посткоммунистической России стала консолидация «нового мощного патримониального государства»; при этом президентство В. В. Путина, по мнению этих авторов, представляется в сознании россиян как «кульминация всех проявлений сильной государственной власти на протяжении долгой истории России» [36, с. 6].

Свою интерпретацию системных трансформаций в России и ряде других посткоммунистических стран предложил Г. Хейл в рамках разработанной им концепции «патронального президентства» [35]. Термин «патронализм» он трактует в веберовском духе – как систему личного правления, во многом напоминающую ту или иную форму «традиционного» патримониализма (султанизм, «чистый» или сословный патримониализм). Различия между ними определяются структурой патрональных сетей, которые могут быть «однопирамидальными» либо «многопирамидальными». Первая модель соответствует режиму «неопатримониального авторитаризма», вторая – режиму «неопатримониальной демократии». Динамику режимных трансформаций в таких государствах Г. Хейл описывает как циклический процесс, в рамках которого фазы авторитаризации / демократизации могут сменяться, не влияя радикальным образом на природу неопатримониальной системы.

Развивая эти идеи, венгерские исследователи Б. Мадьяр и Б. Мадлович предложили собственную классификацию посткоммунистических режимов, дополнив линейную схему «авторитаризм – демократия» еще одним параметром – степень «патронализма». Это позволило выделить три базовых типа политических режимов – «либеральная демократия», «коммунистическая диктатура» и «патрональная автократия», в сторону которой, по мнению этих исследователей, эволюционировали Казахстан при Н. Назарбаеве и Россия при В. В. Путине. В качестве «промежуточных» типов режима выделяются: «консервативная автократия», подобная режиму Ю. Пилсудского в Польше (1918–1935 гг.); «диктатура с использованием рынка», примером которой называется современный Китай; «патрональная демократия» как коррумпированная олигархическая система, сложившаяся, в частности, в Румынии [48, с. 619–726].

В целом анализ этих концепций свидетельствует о том, что использование неопатримониального подхода открывает широкие возможности для сравнительного анализа посткоммунистических систем и разработки оригинальных моделей режимных трансформаций, весьма нетривиальных, хотя и не бесспорных по своим основаниям.

Развитие неопатримониальных исследований в России

К сожалению, в российской научной литературе до начала XXI в. исследования в рамках неопатримониального подхода практически не представлены. Тем более пристального внимания заслуживают работы отдельных авторов, попытавшихся, вслед за М. Вебером, выяснить «внутренние оправдания» русской власти, в силу которых она постоянно воспроизводится в своих наиболее традиционных чертах. К числу таких произведений следует отнести книги М. Восленского [4], Ю. Н. Давыдова [6], М. В. Масловского [10], М. Н. Афанасьева [1], Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова [15] и ряда других авторов, предложивших оригинальные концепции генезиса номенклатурного слоя в советской и постсоветской России.

Однако термин «неопатримониализм» вплоть до начала 2010-х гг. в российской библиографии встречался исключительно в публикациях А. Фисуна. В ноябре 2012 г. на VI Всероссийском конгрессе политологов автором этой работы впервые был представлен научный доклад по данной проблематике [22]; в начале 2013 г. была опубликована программная статья, в которой неопатримониальный подход представлен в качестве альтернативы политической «транзитологии» [21]. Данные работы, по сути, положили начало целому направлению в отечественной политической науке, в фокусе которого находится понятие «неопатримониализм». В последующие годы по данной проблематике вышли монографии таких исследователей, как В. Я. Гельман [5] и С. Н. Шкель [24]; было опубликовано множество статей, авторами которых являются З. Р. Битиева, Е. В. Афанасьева и А. С. Ярошенко [3], Д. В. Ефременко [7], М. В. Ильин [42], В. Марача и С. Беспалов [49], Ю. А. Нисневич и А. В. Рябов [13], Н. С. Розов [16], Я. Ю. Старцев [18]. Неопатримониальная проблематика нашла отражение в ряде диссертационных исследований, авторами которых являются: доктор политических наук С. Н. Шкель [23]; доктор философских наук А. П. Ситников [17]; кандидаты политических наук К. В. Мельников [12] и Ю. А. Баландин

[2]. В результате к началу 2020-х гг. в отечественной политологии сложился обширный корпус научной литературы, посвященной исследованию постсоветских неопатримониальных обществ. Представители данного направления могут работать в разных областях научного знания – в сфере политологии, социологии, экономических наук, менеджмента, международных отношений, а также придерживаться различных идейно-мировоззренческих позиций – от ультралиберальных до неомарксистских либо неотрадиционалистских.

Примерами неолиберальной трактовки неопатримониализма могут служить работы Н. Розова и В. Гельмана. Так, например, Н. Розов в своих публикациях подчеркнул, что современная Россия, как и большинство других постсоветских государств, относится к «обширной семье неопатримониальных режимов», среди которых «нет устойчивых консолидированных демократий с верховенством права, сменяемостью власти на основе политической конкуренции и открытых выборов...» [16, с. 139]. В. Гельман, описывая систему правления в современной России, использует термин «bad governance» [5, с. 86], подчеркивая тем самым ее отличия от критериев «хорошего» правления (англ. «good governance»), лежащих в основе программы Всемирного банка «Worldwide Governance Indicators» [59].

Более непредвзятые исследователи, как правило, воздерживаются от аксиологических оценок и концентрируют внимание на вопросах эффективности неопатримониальных систем. Такой подход оказался достаточно продуктивным, поскольку, как отметили В. Марача и С. Беспалов, он «открывает более широкий взгляд на такие проблемы, как роль государства в экономике, соотношение власти и собственности, национальная модель демократии, позволяя адекватно осветить и разумно использовать успешный опыт стран БРИКС и некоторых стран АТР (Япония, Южная Корея, Сингапур, Малайзия и т. д.)» [49, с. 1].

В целом анализ публикаций по данной проблематике свидетельствует о том, что бурная дискуссия вокруг концепта неопатримониализма не затихает по сей день. В результате медиевалистская лексика, широко использовавшаяся в 1990-х гг. для описания процессов «архаизации» российского общества, была вытеснена из политологического лексикона и заменена неопатримониалистским дискурсом. Такой дискурс, как отмечает Я. Ю. Старцев, включает устойчивый набор базовых понятий («патримониализм», «пребендализм», «неопатримониализм» и др. – всего 13 терминов), а также ряд семантически близких категорий («клиентелизм», «патронаж», «непотизм» и др.). Неопатримониалистский тезаурус включает также определенный набор кейсов (Россия, Украина, Беларусь, Азербайджан и др.) и ряд антропонимов, в котором центральное место занимают Вебер, Клэпхэм, Медар, Робинсон, Фисун, Эйзенштадт [18, с. 147].

Таким образом, с развитием неопатримониальных исследований отечественная политическая наука смогла в основном решить задачу создания понятийного аппарата, пригодного для изучения российской политической специфики. Благодаря наличию этого языка стало возможным представить результаты проводимых исследований и показать репрезентативную картину политических трансформаций, определивших состояние власти в посткоммунистических государствах. При этом выяснилось, что формы, которые принимает неопатримониализм, могут быть очень разнообразными. Для описания этой специфики специалисты разработали многочисленные типологии неопатримониальных систем, которые могут различаться:

- по уровню неопатримониализации: с высокими, средними либо низким уровнем [55];
- по типу легитимности: традиционный, «харизматизированный», «рационализированный» неопатримониализм [43];
- по значимости основных компонентов: «персоналистский», «клиентистский», «клетократический» [27];
- по структуре патрональных сетей: централизованные и децентрализованные [48];
- по типу политических режимов: «бюрократический», «олигархический», «султанистский», «демократический» [20];
- по характеру неопатримониальных практик: «хищнические» и «регулируемые» [25];
- по целям функционирования: рентоориентированные либо редистрибутивные [54];
- по степени экономической эффективности: низкая, средняя либо высокая.

В последнем случае речь может идти о реализации модели неопатримониального «государства развития», яркими примерами которых могут служить современная Россия, Китай, Индия и ряд других государств группы БРИКС+. Соответственно, основная задача неопатримониальных исследований видится в содействии разработке эффективных стратегий, способствующих достижению общественного прогресса и предупреждению дрейфа в сторону наиболее деструктивных форм неопатримониализма, при которых «хищническое поведение пронизывает политическую и социальную жизнь на всех уровнях» [30, с. 12].

В качестве других актуальных задач постсоветских неопатримониальных исследований следует назвать:

- исследование уровня неопатримониализации отдельных стран и сравнительный анализ их политических систем;
- выявление институциональной, социокультурной и иной специфики таких систем и их классификация;
- моделирование трансформационных процессов, происходящих в рамках определенного «неопатримониального пространства» с целью выявления и оценки возникающих рисков и угроз;
- разработка научно обоснованных сценариев политического развития государств с неопатримониальными системами.

Эффективность неопатримониального подхода в решении этих задач способствует его широкому научному признанию и утверждению в качестве действенной альтернативы либеральным моделям модернизации, основанным на принципах универсализма и представлениях о «догоняющем», «неорганичном» характере развития «незападных» государств [38].

Вместе с тем дальнейшее развитие неопатримониальных исследований в России требует институционализации их научного статуса как одного из направлений в сравнительной политологии. Нерешенность данной проблемы ограничивает возможности российских исследователей и затрудняет реализацию ими крупных международных проектов, подобных программе шведского Института разновидностей демократии (англ. Varieties of Democracy Institute, V-Dem) по сравнительному исследованию африканских неопатримониальных государств [57] или проекту «Сохранение и изменение неопатримониализма в различных регионах, не входящих в ОЭСР», который осуществляется Немецким институтом глобальных и региональных исследований (англ. German Institute of Global and Area Studies, GIGA) [31]. Изменению этой ситуации, по мнению автора, могло бы способствовать:

- создание в рамках Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) Российской академии наук (РАН) специализированного центра либо института постсоветских неопатримониальных исследований;
- создание подобных научно-исследовательских структур при других профильных академических институтах, таких как ИМЭМО РАН, Институт Европы, Институт Латинской Америки, Институт стран Африки, Институт востоковедения.

Аналогичные исследовательские группы и лаборатории могут быть созданы на кафедрах сравнительной политологии, успешно действующих в ряде крупных российских вузов – МГУ им. М. В. Ломоносова, РУДН им. Патриса Лумумбы, МГИМО-Университете МИД России.

Практическая реализация этих задач позволит создать необходимую научно-исследовательскую инфраструктуру и обеспечить условия для дальнейшего развития неопатримониальных исследований, глубокого научного анализа и прогнозирования сложных политических процессов, происходящих сегодня на постсоветском пространстве.

Выводы

В целом можно сделать выводы о том, что в результате бурных дискуссий рубежа XX–XXI вв. в современной политологии возникло новое научное направление – постсоветские неопатримониальные исследования, которые выделились в особую сферу политико-компаративного анализа. К настоящему времени в рамках данного направления сложилась собственная научная методология, оформился необходимый лексикон, что позволяет исследователям представить вполне репрезентативную картину политических изменений, происходящих на евразийском пространстве. В этой связи есть все основания рассматривать неопатримониальный подход как действенную альтернативу «транзитологическим» теориям, господствовавшим, до последнего времени, в политической науке. Дальнейшее развитие данного подхода может способствовать решению многих методологических проблем в этой сфере знания и формированию научно обоснованных стратегий развития, столь необходимых сегодня для многих постсоветских обществ.

Список источников

1. Афанасьев, М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений / М. Н. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – Москва : Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
2. Баландин, Ю. А. Патрональная политика и ротация губернаторского корпуса в современной России: факторы отставок и переназначений (2005–2021) : дис. ... канд. полит. наук / Ю. А. Баландин. – Москва, 2024. – 194 с.
3. Битиева, З. Р. Теоретические аспекты изучения неопатримониальных режимов: развитие концепции неопатримониализма и ее место среди объясняющих моделей / З. Р. Битиева,

- Е. В. Афанасьева, А. С. Ярошенко // Вестник института мировых цивилизаций. – 2020. – Т. 11, № 3 (28). – С. 14–21.
4. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – Москва : Советская Россия ; МП Октябрь, 1991. – 600 с.
5. Гельман, В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России / В. Я. Гельман. – Санкт-Петербург : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.
6. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. – Москва : Мартис, 1998. – 509 с.
7. Ефременко, Д. В. Обживая руины советской системы: к вопросу о российском неопатримониализме / Д. В. Ефременко // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 58–79.
8. Зон, Г. ван. Культ власти / Г. ван Зон // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – № 4. – С. 148–159.
9. Кильдюшов, О. Макс Вебер и постсоветский патримониализм / О. Кильдюшов. – URL: <http://rueuro.ru/vse-stati-2/obshchestvo/item/230-maks-veber-i-postsovetskij-patrimonializm?ysclid=lnpe1ntc0805469685> (дата обращения: 16.02.2026).
10. Масловский, М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология / М. В. Масловский. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т, 1997. – 51 с.
11. Махмутова, Е. В. Децентрализация в неопатримониальной демократии: преимущества, недостатки и путь к потенциальному миру / Е. В. Махмутова, Р. С. Окумбеков // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – № 13 (3). – С. 39–43. – doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-39-43.
12. Мельников, К. В. Неопатримониализм: основные проблемы концептуализации и методологический потенциал новой институциональной теории : дис. ... канд. полит. наук / К. В. Мельников. – Екатеринбург, 2017. – 182 с.
13. Нисневич, Ю. А. Постсоветский авторитаризм / Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Общественные науки и современность. – 2017. – № 4. – С. 84–97.
14. Окумбеков, Р. С. Основные черты неопатримониализма и пути дальнейшего развития в Республике Казахстан / Р. С. Окумбеков // Вопросы политологии. – 2022. – Вып. 2 (78), т. 12. – С. 581–589. – doi: 10.35775/PSI.2022.78.2.024.
15. Пивоваров, Ю. Русская система / Ю. Пивоваров, А. Фурсов // Рубежи. – 1995. – № 1–6.
16. Розов, Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации / Н. С. Розов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 139–156. – doi: 10.17976/jpps/2016.01.10.
17. Ситников, А. П. Архаизация российского общества: культурные детерминанты, формы проявления и перспективы развития : дис. ... д-ра филос. наук / А. П. Ситников. – Майкоп, 2022. – 307 с.
18. Старцев, Я. Ю. Неофеодализм или неопатримониализм? Количественный анализ политологической концептуализации «нового Средневековья» / Я. Ю. Старцев // Vox medii aevi. – 2019. – № 2 (5). – С. 127–149. – doi: 10.24411/2587-6619-2019-00017.
19. Фисун, А. А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития / А. А. Фисун // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – 2011. – Вып. 8. – С. 119–127.
20. Фисун, А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация / А. Фисун // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 158–187.
21. Чайко, И. В. Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии / И. В. Чайко // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2013. – № 1. – С. 131–143.
22. Чайко, И. В. Проблемы изучения системных трансформаций российского политического режима / И. В. Чайко // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия / отв. ред. Л. В. Сморгун, О. В. Гаман-Голутвина. – Москва : Российская ассоциация политической науки, 2012. – С. 488–489.
23. Шкель, С. Н. Авторитаризм в постсоветских государствах Центральной Азии и Кавказа: факторы устойчивости и режимной динамики : дис. ... д-ра полит. наук / С. Н. Шкель. – Уфа, 2015. – 432 с.
24. Шкель, С. Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе / С. Н. Шкель. – Уфа : Гилем, 2013. – 349 с.
25. Bach, D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings / D. Bach // Commonwealth and Comparative Politics. – 2011. – Vol. 49, № 3. – P. 275–294. – doi: 10.1080/14662043.2011.582731.

26. Berger, P. L. The capitalist revolution / P. L. Berger. – New York : Basic books, Inc, Publishers, 1986. – 262 p.
27. Bratton, M. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa / M. Bratton, N. van de Walle // World Politics. – 1994. – Vol. 46, № 4. – P. 453–489.
28. Carothers, T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13, iss. 1. – P. 5–21. – doi: 10.1353/jod.2002.0003.
29. Dahl, R. Polyarchy: Participation and Opposition / R. Dahl. – New Hawen : Yale University Press, 1971. – 258 p.
30. Diamond, L. Civic Communities and Predatory Societies / L. Diamond // Culture Matters: A Forum for Business, Education and Training Professionals. – Washington : American University, Intercultural Management Institute, 2001. – P. 1–23.
31. GIGA. Research Projects. – URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/research-and-transfer/projects> (дата обращения: 22.02.2026).
32. Gill, G. The origins of the Stalinist political system / G. Gill. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1990. – 454 p. – doi: 10.1163/221023994X00161.
33. Gorlizki, Y. Ordinary stalinism: the council of ministers and the soviet neopatrimonial state, 1946–1953 / Y. Gorlizki // Journal of Modern History. – 2002. – № 74 (4). – P. 699–736. – doi: 10.1086/376210.
34. Hale, H. E. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Problems of International Politics / H. E. Hale. – New York : Cambridge University Press, 2015. – 542 p.
35. Hale, H. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia / H. E. Hale // Journal of Eurasian Studies. – 2010. – Vol. 1, № 1. – P. 33–41. – doi: 10.1016/j.euras.2009.11.001.
36. Hanson, S. E. Understanding the Global Patrimonial Wave / S. E. Hanson, J. S. Kopstein // Perspectives on Politics. – 2021. – № 20 (1). – P. 1–13. – doi: 10.1017/S1537592721001195.
37. Hartmann, J. Vergleichende Regierungslehre und Systemvergleich / J. Hartmann // Einführung in die Politikwissenschaft / ed. by D. Berg-Schlosser, F. Müller-Rommel. München : Verlag C. H. Beck, 1997. – P. 27–48. – doi: 10.1007/978-3-322-97392-4_3.
38. Hout, W. Classical approaches to development: Modernisation and dependency / W. Hout // The Palgrave Handbook of International Development / ed. by J. Grugel, D. Hammett. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. – P. 21–39.
39. Hughes, J. Patrimonialism and the stalinist system: the case of S. I. Syrtsov / J. Hughes // Europe – Asia Studies. – 1996. – № 48 (4). – P. 551–568.
40. Huntington, S. P. The Third wave: Democratization in the Late Twentieth Century / S. P. Huntington. – London : Norman, 1991. – 366 p.
41. Ilkhamov, A. Neopatrimonialism, interest groups and patronage networks: the impasses of the governance system in Uzbekistan / A. Ilkhamov // Central Asian Survey. – 2007. – Vol. 26, № 1. – P. 65–84. – doi: 10.1080/02634930701423491.
42. Ilyin, M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? / M. Ilyin // Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. – 2015. – Vol. 18, № 1. – P. 26–51. – doi: 10.7227/R.18.1.3.
43. Ilyin, M. The concept of patrimonial governance: prospects for post-Weberian rediscriptions / M. Ilyin. – URL: <https://www.hse.ru/data/2013/12/10/1339200446/Ilyin%20patrimonialism%20rediscriptions.pdf?ysclid=lx7ij2hsou171163559> (дата обращения: 17.02.2026).
44. Jowitt, K. New World Disorder: The Leninist Extinction / K. Jowitt. – Berkeley : University of California Press, 1992. – 342 p.
45. Kitschelt, H. P. Post-Communist Party Systems: Competition, Representation and Inter-Party Cooperation / H. P. Kitschelt, Z. Mandsfeldova, R. Markowski, G. To'ka. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 476 p.
46. Linden, R. H. Socialist patrimonialism and the global economy: the case of Romania / R. H. Linden // International Organization. – 1986. – № 40 (2). – P. 347–380. – doi: 10.1017/S002081830002717X.
47. Linz, H. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe / H. Linz, A. Stepan. – Baltimore ; London : Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 p. – doi: 10.56021/9780801851575.
48. Magyar, B. The anatomy of post-communist regimes: a conceptual framework / B. Magyar, B. Madlovics. – Budapest ; New York : Central European University Press, 2020. – 808 p.
49. Maracha, V. Neopatrimonial Model of Public Administration and its Transformation in the Context of Global Uncertainty / V. Maracha, S. Bepalov // EPJ Web of Conferences. – 2021. – Vol. 248, № 03003. – P. 1–10. – doi: 10.1051/epjconf/202124803003.
50. Medard, J. F. Patrimonialism, Patrimonialization, Neo-Patrimonialism and the Study of the Post-Colonial state in Subsaharian Africa / J.-F. Medard // Improved Natural Ressources Management:

the Role of Formal Organizations and Informal Networks and Institutions / ed. by H. S. Marcussen. Occasional Paper, № 17. – Roskilde, Denmark : Roskilde University, 1996. – P. 76–97.

51. Murvar, V. Max Weber and the two non-revolutionary events in Russia 1917: Scientific achievements or prophetic failures? / V. Murvar // Max Weber's Political Sociology: A Pessimistic Vision of a Rationalized World / ed. by R. Glassman, V. Murvar. – London ; Westport : Greenwood Press, 1984. – P. 237–272.

52. Pipes, R. Russia under the Bolshevik regime / R. Pipes. – New York : Vintage Books, 1995. – 587 p.

53. Robinson, N. The Political Origins of Russia's «Culture Wars» / N. Robinson. – Limerick, Ireland : University of Limerick, 2014. – 37 p.

54. Robinson, N. Economic and political hybridity: Patrimonial capitalism in the post-Soviet sphere / N. Robinson // Journal of Eurasian Studies. – 2013. – Vol. 4, iss. 2. – P. 136–145. – doi: 10.1016/j.euras.2013.03.003.

55. Sigman, R. Neopatrimonialism and Democracy: An Empirical Investigation of Africa's Political Regimes / R. Sigman, S. Lindberg // The varieties of democracy institute Working Paper. – 2017. – № 56. – 25 p.

56. Theobald, R. Patrimonialism / R. Theobald // World Politics. – 1982. – Vol. 34, № 4. – P. 548–559. – doi: 10.2307/2010334.

57. V-Dem. Research Programs. – URL: <https://www.v-dem.net/our-work/research-programs/> (дата обращения: 21.02.2026).

58. Weber, M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology / M. Weber. – New York : Bedminster Press Incorporated, 1968. – 1469 p.

59. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 15.02.2026)

60. Zon, H. van. Neo-patrimonialism as an impediment to economic development: the case of Ukraine / H. van Zon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2001. – № 17 (3). – P. 71–95. – doi: 10.1080/714003585.

References

1. Afanasev, M. N. *Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost: Issledovanie klientarnykh otnosheniy* [Clientelism and Russian statehood: A study of client relations]. 2nd ed. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation; 2000, 318 p.

2. Balandin, Yu. A. *Patronalnaya politika i rotatsiya gubernatorskogo korpusa v sovremennoy Rossii: faktory otstavok i pereneznacheniya (2005–2021)* [Patronage policy and rotation of the Governor's office in modern Russia: factors of resignations and reassignments (2005–2021)]. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow; 2024, 194 p.

3. Bitieva, Z. R., Afanaseva, E. V., Yaroshenko, A. S. Teoreticheskie aspekty izucheniya neopatrimonialnykh rezhimov: razvitiye kontseptsii neopatrimonializma i ee mesto sredi obyasnyayushchikh modeley [Theoretical aspects of the study of neopatrimonial regimes: the development of the concept of neopatrimonialism and its place among explanatory models]. *Vestnik instituta mirovykh tsivilizatsiy* [Bulletin of the Institute of World Civilizations]. 2020, vol. 11, no. 3, pp. 14–21.

4. Voslenskiy, M. S. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, Oktyabr; 1991, 624 p.

5. Gelman, V. Ya. *«Nedostoynoe pravlenie»: politika v sovremennoy Rossii* [The Politics of Bad Governance in Contemporary Russia]. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg; 2019, 254 p.

6. Davydov, Yu. N. *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya: Aktualnye problemy veberovskogo sociologicheskogo ucheniya* [Max Weber and modern theoretical sociology: Actual problems of Weber's sociological teaching]. Moscow: Martis; 1998, 509 p.

7. Efremenko, D. V. Obzhivaya ruiny sovetskoy sistemy: k voprosu o rossiyskom neopatrimonializme [Inhabiting the Ruins of the Soviet system: on the question of Russian Neopatrimonialism]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2017, no 3, pp. 58–79.

8. Zon, H. van. Kult vlasti [The cult of power]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 2007, no 4, pp. 148–159.

9. Kildyushov, O. *Maks Veber i postsovetitskiy patrimonializm* [Max Weber and post-Soviet Patrimonialism]. Available at: <http://rueuro.ru/vse-stati-2/obshchestvo/item/230-maks-veber-i-postsovetitskiy-patrimonializm?ysclid=lpnpe1ntc0805469685> (accessed: 16.02.2026).

10. Maslovskiy, M. V. *Teoriya byurokratii Maksa Vebera i sovremennaya politicheskaya sotsiologiya* [Max Weber's Theory of bureaucracy and modern political sociology]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University; 1997, 51 p.
11. Makhmutova, E. V., Okumbekov, R. S. Detsentralizatsiya v neopatrimonialnoy demokratii: preimushchestva, nedostatki i put k potentsialnomu miru [Decentralization in a Neopatrimonial Democracy: Advantages, Disadvantages, and the Path to Potential Peace]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2023, no. 13 (3), pp. 39–43, doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-39-43.
12. Melnikov, K. V. *Neopatrimonializm: osnovnye problemy kontseptualizatsii i metodologicheskii potentsial novoy institutsionalnoy teorii* [Neopatrimonialism: the main problems of conceptualization and the methodological potential of the new institutional theory]. Cand. Polit. Sci. Diss. Yekaterinburg: 2017, 182 p.
13. Nisnevich, Yu. A., Ryabov, A. V. Postsovetskiy avtoritarizm [Post-Soviet authoritarianism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and contemporary world]. 2017, no. 4, pp. 84–97.
14. Okumbekov, R. S. Osnovnye cherty neopatrimonializma i puti dalneyshego razvitiya v Respublike Kazakhstan [The main features of neopatrimonialism and ways of further development in the Republic of Kazakhstan]. *Voprosy politologii* [Questions of political science]. 2022, iss. 2 (78), vol. 12, pp. 581–589, doi: 10.35775/PSI.2022.78.2.024.
15. Pivovarov, Yu., Fursov, A. Russkaya sistema [The Russian system]. *Rubezhi* [Frontiers]. 1995, no. 1–6.
16. Rozov, N. S. Neopatrimonialnye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics and prospects of democratization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2016, no. 1, pp. 139–156, doi: 10.17976/jpps/2016.01.10.
17. Sitnikov A. P. *Arkhaizatsiya rossiyskogo obshchestva: kulturnye determinanty, formy proyavleniya i perspektivy razvitiya* [Archaization of Russian society: cultural determinants, forms of manifestation and prospects of development]. Dr. Philos. Sci. Diss. Maykop; 2022, 307 p.
18. Startsev, Ia. Iu. Neofeodalizm ili neopatrimonializm? Kolichestvennyy analiz politologicheskoy kontseptualizatsii «novogo Srednevekovya» [Neo-feudalism or neopatrimonialism? Quantitative analysis of the political science conceptualization of the «New Middle Ages»]. *Vox medii aevi* [Vox medii aevi]. 2019, no. 2 (5), pp. 127–149, doi: 10.24411/2587-6619-2019-00017.
19. Fisun, A. A. Ukrainskaya neopatrimonialnaya demokratiya: formirovaniye, spetsifika i tendentsii razvitiya [Ukrainian neopatrimonial democracy: formation, specifics and development trends]. *Oikumena. Almanakh sravnitelnykh issledovaniy politicheskikh institutov, sotsialno-ekonomicheskikh sistem i tsivilizatsiy* [The Ecumene. An almanac of comparative studies of political institutions, socio-economic systems and civilizations]. 2011, iss. 8, pp. 119–127.
20. Fisun, A. K. pereosmysleniyu postsovetskoy politiki: neopatrimonialnaya interpretatsiya [Rethinking post-Soviet Politics: a neopatrimonial interpretation]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2010, no. 4, pp. 158–187.
21. Chayko, I. V. Problemy issledovaniya rezhimnykh transformatsiy, ili neopatrimonialnaya alternativa tranzitologii [Problems of regime transformation research, or a neopatrimonial alternative to transitology]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2013, no. 1, pp. 131–143.
22. Chayko, I. V. Problemy izucheniya sistemnykh transformatsiy rossiyskogo politicheskogo rezhima [Problems of studying the systemic transformations of the Russian political regime]. *Rossiia v globalnom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeystviya* [Russia in the global world: institutions and strategies of political interaction]. Ed. by I. V. Smorgunov, O. V. Gaman-Goluvina. Moscow: Russian Association of Political Science; 2012, pp. 488–489.
23. Shkel, S. N. *Avtoritarizm v postsovetskikh gosudarstvakh Tsentralnoy Azii i Kavkaza: faktory ustoychivosti i rezhimnoy dinamiki* [Authoritarianism in the post-Soviet States of Central Asia and the Caucasus: factors of stability and regime dynamics]. Dr. Polit. Sci. Diss. Ufa; 2015, 432 p.
24. Shkel, S. N. *Postsovetskiy avtoritarizm v sravnitelnoy perspektive* [Post-Soviet authoritarianism in a comparative perspective]. Ufa: Gilem; 2013, 349 p.
25. Bach, D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth and Comparative Politics*. 2011, vol. 49, no. 3, pp. 275–294, doi: 10.1080/14662043.2011.582731.
26. Berger, P. L. *The capitalist revolution*. New York: Basic books, Inc, Publ.; 1986, 262 p.
27. Bratton, M., van de Walle, N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa. *World Politics*. 1994, vol. 46, no. 4, pp. 453–489.
28. Carothers, T. The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*. 2002, vol. 13, iss. 1, pp. 5–21, doi: 10.1353/jod.2002.0003.

29. Dahl, R. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press; 1971, 258 p.
30. Diamond, L. Civic Communities and Predatory Societies. *Culture Matters: A Forum for Business, Education and Training Professionals*. Washington: Intercultural Management Institute, American University; 2001, pp. 1–23.
31. GIGA. Research Projects. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/research-and-transfer/projects> (accessed: 22.02.2026).
32. Gill, G. *The origins of the Stalinist political system*. Cambridge, New York: Cambridge University Press; 1990, 454 p., doi: 10.1163/221023994X00161.
33. Gorlizki, Y. Ordinary stalinism: the council of ministers and the soviet neopatrimonial state, 1946–1953. *Journal of Modern History*. 2002, no. 74 (4), pp. 699–736, doi: 10.1086/376210.
34. Hale, H. E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Problems of International Politics*. New York: Cambridge University Press; 2015, 542 p.
35. Hale, H. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia. *Journal of Eurasian Studies*. 2010, vol. 1, no. 1, pp. 33–41, doi: 10.1016/j.euras.2009.11.001.
36. Hanson, S. E., Kopstein, J. S. Understanding the Global Patrimonial Wave. *Perspectives on Politics*. 2021, no. 20 (1), pp. 1–13, doi: 10.1017/S1537592721001195.
37. Hartmann, J. Vergleichende Regierungslehre und Systemvergleich. *Einführung in die Politikwissenschaft*. Ed. by D. Berg-Schlosser, F. Müller-Rommel. München: Verlag C. H. Beck; 1997, pp. 27–48, doi: 10.1007/978-3-322-97392-4_3.
38. Hout, W. Classical approaches to development: Modernisation and dependency. *The Palgrave Handbook of International Development*. Ed. by J. Grugel, D. Hammett. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2016, p. 21–39.
39. Hughes, J. Patrimonialism and the stalinist system: the case of S. I. Syrtsov. *Europe – Asia Studies*. 1996, no. 48 (4), pp. 551–568.
40. Huntington, S. P. *The Third wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. London: Norman; 1991, 366 p.
41. Ilkhamov, A. Neopatrimonialism, interest groups and patronage networks: the impasses of the governance system in Uzbekistan. *Central Asian Survey*. 2007, vol. 26, no. 1, pp. 65–84, doi: 10.1080/02634930701423491.
42. Ilyin, M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 2015, vol. 18, no. 1, pp. 26–51, doi: 10.7227/R.18.1.3.
43. Ilyin, M. The concept of patrimonial governance: prospects for post-Weberian redcriptions. Available at: <https://www.hse.ru/data/2013/12/10/1339200446/Ilyin%20patrimonialism%20redcriptions.pdf?ysclid=lx7ij2hsou171163559> (accessed: 17.02.2026).
44. Jowitt, K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press; 1992, 342 p.
45. Kitschelt, H. P., Mandsfeldova Z., Markowski R., To'ka G. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation and Inter-Party Cooperation*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999, 476 p.
46. Linden, R. H. Socialist patrimonialism and the global economy: the case of Romania. *International Organization*. 1986, no. 40 (2), pp. 347–380, doi: 10.1017/S002081830002717X.
47. Linz, H., Stepan, A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press; 1996, 504 p., doi: 10.56021/9780801851575.
48. Magyar, B., Madlovics, B. *The anatomy of post-communist regimes: a conceptual framework*. Budapest, New York: Central European University Press; 2020, 808 p.
49. Maracha, V., Bespalov, S. Neopatrimonial Model of Public Administration and its Transformation in the Context of Global Uncertainty. *EPJ Web of Conferences*. 2021, vol. 248, no. 03003, pp. 1–10, doi: 10.1051/epjconf/202124803003.
50. Medard, J. F. Patrimonialism, Patrimonialization, Neo-Patrimonialism and the Study of the Post-Colonial state in Subsaharian Africa. Improved Natural Resources Management: the Role of Formal Organizations and Informal Networks and Institutions. Ed. by H. S. Marcussen. *Occasional Paper, 17*. Denmark: Roskilde University; 1996, pp. 76–97.
51. Murvar, V. Max Weber and the two non-revolutionary events in Russia 1917: Scientific achievements or prophetic failures? *Max Weber's Political Sociology: A Pessimistic Vision of a Rationalized World*. Ed. by R. Glassman, V. Murvar. London, Westport: Greenwood Press; 1984, pp. 237–272.
52. Pipes, R. *Russia under the Bolshevik regime*. New York: Vintage Books; 1995, 587 p.

53. Robinson, N. *The Political Origins of Russia's «Culture Wars»*. Limerick, Ireland: University of Limerick; 2014, 37 p.
54. Robinson, N. Economic and political hybridity: Patrimonial capitalism in the post-Soviet sphere. *Journal of Eurasian Studies*. 2013, vol. 4, iss. 2, pp. 136–145, doi: 10.1016/j.euras.2013.03.003.
55. Sigman, R., Lindberg, S. Neopatrimonialism and Democracy: An Empirical Investigation of Africa's Political Regimes. *The varieties of democracy institute Working Paper*. 2017, no. 56, 25 p.
56. Theobald, R. Patrimonialism. *World Politics*. 1982, vol. 34, no. 4, pp. 548–559, doi: 10.2307/2010334.
57. V-Dem. Research Programs. Available at: <https://www.v-dem.net/our-work/research-programs/> (accessed: 21.02.2026).
58. Weber, M. *Economy and Society. An outline of interpretive sociology*. New York: Bedminster Press Incorporated; 1968, 1469 p.
59. Worldwide Governance Indicators. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (accessed: 15.02.2026).
60. Zon, H. van. Neo-patrimonialism as an impediment to economic development: the case of Ukraine. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001, no. 17 (3), pp. 71–95, doi: 10.1080/714003585.

Информация об авторе

Чайко И. В. – кандидат политических наук, доцент.

Information about the author

Chaiko I. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.05.2026; одобрена после рецензирования 16.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 29.05.2026; approved after reviewing 16.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.